

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• серый монах •

Клим Ардашев

Иван Любенко

Серый монах (сборник)

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любенко И. И.

Серый монах (сборник) / И. И. Любенко — «Автор»,
2016 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-86671-7

«Серый монах» – сборник детективных новелл, действие которых происходит в начале XX века. Присяжный поверенный Клим Ардашев не дает скучать ни себе, ни окружающим. Имея в распоряжении минимум средств, он с блеском раскрывает одно преступление за другим. Вот найден убийца чернокнижника, вот обезврежен жестокий маньяк, появившийся во время падения Тунгусского метеорита; а вот обнаружен похититель монастырской собачки, любимицы всех монахинь... Вести следствие Ардашеву помогают очень разные люди: и митрополит, и даже – страшно сказать – призрак убитого мошенника. И все ради того, чтобы справедливость наконец восторжествовала! Ранее сборник рассказов издавался под названием «Роковая партия»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86671-7

© Любенко И. И., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Роковая партия	6
Смерть антрепренера	12
«Пейзаж с рекой»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иван Любенко

Серый монах (сборник)

© Любенко И., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Роковая партия

Новый, 1908 год начался для Ардашева беспокойно. Присяжному поверенному вновь пришлось окунуться в расследования загадочных убийств, таинственных краж и коварных вымогательств. Слава о его необычайных способностях давно вышла за пределы губернии, и теперь даже надменные столичные газеты с удовольствием перепечатывали статьи из «Ставропольских губернских ведомостей» об удивительных похождениях адвоката. Казалось, такие события могут встретиться только на страницах грошовых развлекательных брошюр о сыщиках и злодеях. Но жизнь в российской глубинке текла по своим, часто не поддающимся никакой логике законам и преподносила жителям южного края такие неожиданные сюрпризы и запутанные лабиринты, от которых могла закружиться голова даже у ищеек из знаменитого «Национального агентства Пинкертона».

Вот и сейчас Ардашев задумчиво смотрел на два параллельных, будто уходящих в бесконечность следа от полозьев. Сани, запряженные не особенно породистой, но с виду резвой лошадкой, споро неслись к южной окраине Батальонной улицы. Снег к вечеру пошел с новой силой. Крупные, с лебяжье перо хлопья покрывали белую, как сорочка гимназистки, булыжную мостовую. Уставший морозный январский день медленно засыпал, чтобы завтра, чуть свет, запеть тысячами новых, разноголосых звуков. Из легкого забытья адвоката вывел тихий, извинительный голос частнопрактикующего врача Нижегородцева.

– Вы уж простите, уважаемый Клим Пантелеевич, что я, на ночь глядя, потащил вас к черту на кулички. Странной кажется мне эта смерть. Я его не меньше чем раз в неделю наблюдал, здоров был старик, как бык царя Миноса. И вдруг – скончался. В данном случае моя репутация как врача кажется уже не столь безупречной. А гонорар вам я оплачу сполна, не беспокойтесь. Полицию вызывать Изольда Генриховна, экономка его, не желает: «Он, – говорит, – болезненный, восьмой десяток давно разменял. Все там будем». Согласитесь, странная позиция. Единственное, на что старик жаловался, так это на некоторое ослабление своего мужского потенциала. «Вот, – говорит, по молодости я шкалик пропущу да к милой в постель. Так за ночь бутылочку выкушаю и свою куртуазную мамзель ублажу. С утраца – банька да купанье в проруби. А нынче, как студент чахоточный, один разок, и все, ко сну тянет. Пропишите, доктор, сигнатуру¹, каких-нибудь капелек, чтобы наново силу прежнюю обрести».

– Согласен, Николай Петрович, дай бог каждому такие «жалобы» на старости лет иметь. Вы не беспокойтесь, разберемся. Это хорошо, что вы комнату до моего прихода на ключ велели закрыть. В таком деле главное – детали, они нам о многом сказать могут: что делал в последние минуты жизни покойный, с кем общался. А что собачка его издохла, случай довольно редкий, хотя бывает и такое. Животные тоже ведь твари сердешные, от горя и тоски помереть могут, – удобно расположив затянутые в перчатках руки на кожаном английском саквояже, философски рассуждал присяжный поверенный. – А какие родственники у покойного остались?

– Жену Вахрушев лет пять назад похоронил. Подозреваю, что экономка ему последние годы ее с успехом заменяла. Уж больно ласков он с ней был. Сулился ей свои доходные дома завещать. Еще и вдовушка-портниха к нему последнее время зачастила на примерки. А недавно он без согласия Изольды на работу принял молодую горничную. От этого немка ему сцены и закатывала. Один раз даже при мне. До сих пор эта девушка работает. Я так скажу: было у покойного три страсти – деньги, женщины и, как ни странно, шахматы. Детей, считайте, у него нет. От единственной дочери Ерофей отрекся лет двадцать назад. Против отцовской воли пошла – обвенчалась с сапожником-армянином. Папаша этого не простил. А спустя год после рождения сына ее муж сбежал вместе с циркачкой заезжего шапито, которой

¹ Сигнатура (уст.) – рецепт.

шил тапочки для гимнастических кульбитов. От горя и безысходности молодая мать сошла с ума. До сих пор содержится у Зубова, в Александровской лечебнице. Сына воспитывает армянская семья ее деверя. К своим пятерым отпрыскам эта небогатая супружеская пара добавила и шестого ребенка – Григория. Армяне народ дружный. Парень скоро гимназию закончит. Учится успешно. Весь в мать – на вид русский, хоть и фамилия Аветисов. Летом работал помощником приказчика в конторе кожевенного завода братьев Деминых, что на Ташле. Сметливый парнишка и к наукам способный, дед его в шутку Менделеевым называл. Ну а он деду цветы разные выращивал и на день рождения дарил.

Извозчик остановил сани у парадного подъезда. Господа расплатились и отпустили возницу. Наверх вела широкая мраморная лестница. В коридоре, у добротной двери, сидел полусонный, уставший от томительного ожидания дворник.

– Попрошу, милейший, никого в комнату эту пока не пускать. А если появятся родственники или соседи, скажите, что доктор осмотр еще не закончил и потому мешать не велели, – распорядился Нижегородцев. Осоловелый мужик часто закивал в ответ.

Картина, признаться, была удручающая. В глубоком деревянном кресле, по колено укрытый шотландским клетчатым пледом, уронив голову на грудь, сидел покойник. На полу, прямо у его ног, вытянув вперед лапы и положив на них морду, лежала огромная пушистая собака. Глаза ее были закрыты. Излюбленная порода чабанов-горцев, собака-пастух. Хотелось верить, что пес и хозяин заснули, но стоит человеку проснуться, и обрадованный его радостным пробуждением четвероногий друг мгновенно наполнит дом раскатистым веселым лаем. Но, к глубокому прискорбию, оба были мертвы. Перед креслом располагался низкий дубовый столик с резными ножками, на котором была разложена шахматная партия, белыми фигурами обращенная к старику. Рядом лежал вскрытый конверт, а внизу, под столом, валялся лист бумаги. Комната была большой, в пять-шесть квадратных саженей², и завершалась эркером. В полукруглом пространстве, на подставке в горшке, рос огромный рододендрон, верхней веткой почти дотрагиваясь до украшенного лепниной потолка.

– Николай Петрович, я вас попрошу, перчатки не снимайте. Если есть необходимость что-либо взять в руки, берите только в перчатках. Знаете, уже целый год в России применяется так называемый дактилоскопический метод установления личности по папиллярным линиям подушечек пальцев. Установлено, что у каждого человека образуемый ими узор своеобразен и неповторим. Двух людей с одинаковым рисунком не найти. Кстати, у собак и коров отпечатки носа тоже строго индивидуальны. В качестве средства для обнаружения отпечатков пальцев, оставленных, предположим, на бумаге, можно использовать струганый порошок карандашного грифеля, – открывал доктору тайны криминалистики, полученные еще в «прошлой жизни», бывший начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел России отставной коллежский советник, вот уже два года живущий новой для себя жизнью провинциального адвоката. Но все равно, как ни крути, оперативное заграничное прошлое нет-нет да и выскакивало наружу в виде подобных словесных водопадов. После чего недоуменные слушатели окидывали присяжного поверенного окружного суда недоверчивым и слегка удивленным взглядом. В такие минуты Клим Пантелеевич замолкал, пожимал плечами и что-то невнятно бормотал о когда-то прочитанных иностранных журналах. По сей день пятнадцать лет заграничной деятельности Ардашева составляли государственную тайну Российской империи.

– Не перестаю вам удивляться, Клим Пантелеевич. Горизонт ваших познаний широк и многообразен. Народ до сих пор судачит о вашем недавнем разоблачении известного в губернии чиновника. Кто бы мог подумать, что злодеем окажется человек столь уважаемый и на первый взгляд честный? А вы все равно вывели его на чистую воду, – продолжал будоражить

² 1 кв. сажень – 4, 55 кв.м.

тщеславие адвоката Нижегородцев. – Вот так бы и нам, врачам, научиться безошибочно диагнозы ставить. Да чтобы при жизни пациента, а не после вскрытия.

– Кстати, Николай Петрович, не кажется ли вам, что здесь лечебной микстурой пахнет? Хотя лекарств я вокруг не вижу, – втягивая носом воздух, Ардашев на мгновение замер и в профиль стал смешно похож на застывшую в стойке русскую гончую.

– Да, вероятно, легкий запах присутствует, – неуверенно ответил врач.

Присяжный поверенный несколько минут смотрел на разложенную шахматную доску с теперь уже, видимо, навсегда не оконченной партией. Он достал блокнот и тщательнейшим образом записал шахматную позицию. Затем сквозь увеличительное стекло складной лупы внимательнейшим образом исследовал почтовый штемпель на красной трехкопеечной марке. Про себя отметил, что дата на штемпеле относится к сентябрю прошлого, 1907 года. Что ж до адресов, то они почему-то были набраны на пишущей машинке, и отправителем являлся некто Ф.Н. Безбрежный – партнер в игре по переписке. Тем же пинцетом поднял из-под стола несколько пожелтевший лист плотной недорогой бумаги, на котором сверху от руки было написано – С g4: d1.

Адвокат, не проронив ни слова, открыл саквояж, вынул из бювара большой конверт из вощеной бумаги, с помощью пинцета поместил в него письмо с надписью – С g4: d1, затем достал чистый лист, согнул вдвое и вложил в распечатанный конверт. За дверью слышались нетерпеливые голоса.

– Ну, а теперь мне хотелось бы пообщаться с родственниками и прислугой. Но прежде давайте всех пригласим сюда, – с этими словами Клим Пантелеевич отошел в неосвещенный угол комнаты и стал почти незаметен.

Врач отворил дверь, и в помещение, по одному, боязливо стали заходить незнакомые Ардашеву люди. Армянин с достаточно взрослым мальчиком и три женщины. Гимназист, увидев мертвого пса, кинулся к нему, обнял за шею, расплакался и, не переставая гладить собаку, запричитал: «Потапыч, миленький мой». Мужчина подошел к пареньку, бережно отстранил его от собаки, обнял за плечи и усадил на диван.

– Я присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев, – послышался голос откуда-то сзади. – Причина внезапной смерти хозяина этого дома вызывает некоторые сомнения. Именно поэтому я и нахожусь здесь. Мне придется вам задать несколько вопросов. Смею надеяться, что получу исчерпывающие ответы. Для начала попрошу всех представиться, – официальным тоном проговорил адвокат.

– Изольда Генриховна Манн – экономка, – недовольно произнесла не лишенная привлекательности женщина.

– Глафира Константиновна Зарубаева, горничная, – пропела стройная брюнетка лет двадцати трех.

– Аветисовы мы. Я – Саркис Аветисов, моя жена Ксения и наш приемный сын Григорий, живем у Казанской площади, – с еле заметным акцентом тихо проговорил невысокого роста мужчина.

Адвокат и доктор расположились в столовой, куда по очереди приглашали всех присутствующих. Саркис, его жена и приемный сын Григорий заходили по одному, но много времени их опрос не занял. Дольше всех задержалась Изольда Генриховна. Несмотря на то что адвокат дал ей понять, что разговор окончен, немка не могла успокоиться.

– Если здесь что и нечисто, так во всем виновата Глашка, подстилка бесстыжая. Молодая, да наглая. Ей все сразу подавай. Ни стыда, ни совести. Все к Ерофею липла! Да и покойник, прости господи, кобель кобелем, – вытирая платком раскрасневшееся лицо, возмущалась не потерявшая своей прелести полногрудая женщина.

– Скажите, а какие яды имеются в доме? – осведомился Клим Пантелеевич.

– Мышьяк в кладовой в жестяной банке. Крыс травить. Рядом ведь мясная лавка, вот они к нам в гости и ходят.

– А кто за цветами ухаживает?

– Опять же она. Да что-то плохо смотрит. Вон у этого все цветки обломаны, да и листья тоже. А когда ей? Стоит мне из дома выйти – она к нему и давай окручивать. Вот выучусь, говорит, в шахматы играть и назло тебе буду с ним с утра до вечера партии разыгрывать. Да где уж там! Умишко-то маловато, – с нескрываемым чувством обиды и ревности тараторила белокурая особа.

– Благодарю вас. Пригласите, пожалуйста, горничную, – сухо распорядился присяжный поверенный.

Глафира отвечала на вопросы адвоката с надменной, столь не характерной для обычной прислуги улыбкой. Своего бывшего хозяина она называла не иначе как «этот похотливый старикашка». Манера держаться и вести беседу никак не свидетельствовала в пользу ее непорочной застенчивости. Тем не менее спустя несколько минут она покинула комнату, оставив после себя узнаваемый аромат дешевой брокаровской «Сирени».

Любуясь стоящим у окна в кадке цветком, чьи душистые розовые соцветия плотными пучками облепили ветки высокого, почти в два аршина, кустарника, Клим Пантелеевич достал любимое монпансье, выбрал прозрачную конфетку, но потом почему-то передумал, положил леденец обратно и закрыл коробку.

– Что ж, уважаемый доктор, придется вызывать полицию. К сожалению, ваши подозрения полностью оправдались. Убийца находится среди нас, – спокойно изрек адвокат.

От неожиданности доктор поперхнулся дымом папиросы и закашлялся.

– И кто же?

– Дабы не повторять разъяснение дважды, я попрошу вас протелефонировать в полицейский участок и вызвать сюда кого-нибудь из подчиненных Поляничко. И попросите, чтобы прибыл городской второго участка. А родственники и прислуга пусть дожидаются.

Уже через полчаса топот казенных сапог на лестнице оповестил, что подоспела сыскная полиция. Ардашев первым делом расспросил о чем-то городского, вежливо раскланялся с начальником губернского сыска, который не преминул явиться собственной персоной, чтобы воочию убедиться в новом разоблачении. Все вошли в кабинет, где еще находились тела хозяина и собаки. Трупы были накрыты простынями.

– Господа, я вынужден с прискорбием сообщить, что Ерофей Феофилович Вахрушев был сегодня убит довольно коварным способом. Злоумышленник стремился направить нас по ложному следу, чтобы все подозрения легли на партнера по шахматной партии, которая велась по переписке. С этой целью на конверте, дабы не определить убийцу по почерку, напечатали адрес и наклеили марку, а с помощью сваренного вкрутую очищенного яйца перевели со старых конвертов на новые почтовые штампы, что подтверждается слегка заметными, характерными желтоватыми пятнами. Далее, на уже пропитанном ядовитым веществом и затем высушенном листе написали шахматный ход, запечатали в приготовленный конверт и опустили в почтовый ящик Ерофея Феофиловича. Характер смеси таков, что, соприкасаясь с руками, она легко проникает через кожу в кровь и жертва мгновенно погибает. Тем более, если этот листок лизнуть, как сделал умерший от этого пес. Однако преступник допустил несколько серьезных просчетов.

Во-первых, надо сказать, что указанный в письме пятый ход, который якобы произвел играющий черными соперник покойного – С g4: d1, – сразу же ведет к проигрышу. С превеликим удовольствием и с вашего разрешения позволю пояснить с самого начала, – Клим Пантелеевич подошел к раскрытой шахматной доске, – итак, партия складывалась следующим образом:

1. e2-e4 e7-e5

2. К g1-f3 К b8-c6
3. Cf1-c4 d7-d6
4. К b1-c3 Сс8-g4
5. К f3:e5 ...

А в случае хода черных... С g4: d1, ответ белых 6. Сс 4:f7+, черному королю остается единственный ход... Кр e8-e7, и последующий – 7.Кс3-d5+х – приводит к неминуемому мату. Теперь, я надеюсь, вам понятно, что такую ошибку в дебюте мог допустить только начинающий игрок, а не опытный участник матча по переписке. Таким образом, любые подозрения в отношении господина Безбрежного снимаются, – с этими словами Ардашев опять достал коробочку леденцов и, некоторое мгновение любуясь красной конфеткой, словно вознаграждая себя за блестяще проведенную комбинацию, отправил ее в рот.

Во-вторых, я заметил, что в кабинете произрастает рододендрон золотистый – опаснейшее ядовитое растение, а в столовой цветет яркими бутонами встречающееся на Кавказе так называемое волчье лыко. В нем содержится гликозид дафнин – тяжелый яд. Более того, оба растения лишились части своих листьев. Именно смесь соков, полученных из листьев этих представителей флоры, и образует высокотоксичное соединение. Но только если его выпить, а не нанести на кожу. Помните, Николай Петрович, – обращаясь к Нижегородцеву, продолжал Ардашев, – еще в самом начале я обратил внимание на присутствие в комнате характерного запаха лекарства или микстуры. Так пахнет диметилсульфоксид – препарат, полученный более пятидесяти лет назад как побочный продукт при производстве бумаги.

Особенно широко он используется как растворитель при кожевенном производстве. Как вы знаете, доктор, в небольшой пропорции его применяют в медицине, добавляя в разные лекарства наружного применения, поскольку это химическое соединение легко проникает в организм из-за способности растворять жир, покрывающий поверхность кожи. Но при большой концентрации и с добавлением ядов он вызывает мгновенную смерть.

Конечно, эту дьявольскую смесь следовало испытать. Я не случайно попросил пригласить городского второго участка, поскольку дом, где живут Аветисовы, относится именно к этому участку. И городской подтвердил, что несколько дней назад на Армянской улице странным образом подошли кошки.

Вы успели заметить, что все посетители ко мне заходили по одному. Надев кожаные перчатки, я вручал вошедшему распечатанное письмо, ранее вскрытое погибшим, с уже вложенным туда моим безобидным листком, якобы для того, чтобы прочесть его содержимое. Понятно, что для этого его надо было вынуть из конверта. Побоялся выполнить это только один человек... внук убиенного, один из лучших учеников мужской гимназии по химии и биологии. Парень не предполагал, что его любимый пес лизнет выпавшее из рук старика письмо. Все видели, как горько оплакивал Гриша любимую собаку, именно собаку, а не своего деда, в случае смерти которого внук оставался единственным прямым наследником всего состояния, если, конечно, не было бы духовного завещания или дарственной в пользу третьего лица, например Изольды Генриховны, – закончил монолог Ардашев и поймал на себе чей-то пристальный ненавистный взгляд. Он повернулся. В упор, не отрываясь, сжимая кулаки, на него смотрел Гриша. Его маленький, чуть заостренный нос, удерживающий окуляры толстых очков, делал его похожим на озлобленного крысенка.

– Да, Клим Пантелеевич, – задумчиво проронил Поляничко, – сегодня он деда порешил, а завтра, смотришь, не ровен час, и на самого государя нашего императора руку поднимет. Убереги, господи, Россию-матушку от злодеев окаянных.

– Ваши знания, молодой человек, могли бы служить благим намерениям и приносить пользу, а не смерть. Жаль, что ваша жизнь начинается со столь тяжкого греха. Вы, насколько я понимаю, и есть тот самый гимназист, купивший недавно в моем книжном магазине академи-

ческий справочник «Яды и противоядия», не так ли? – адвокат пристально смотрел на мальчика. Гриша кивнул и уставился в пол, а затем еле слышно произнес:

– Я ведь ради матери это сделал. Думал, получу наследство и вылечу ее за границей. Хворая она у меня, помереть может, – всхлипывая, бормотал парнишка.

– Что ж, господа, позвольте откланяться, – явно раздосадованный результатом собственного расследования присяжный поверенный торопливо прошел в переднюю. На душе у Клима Пантелеевича скребли кошки, и он в который раз пожалел, что опять позволил себя втянуть в несвойственное адвокату расследование.

Смерть антрепренера

Приказчик книжной лавки Савелий Пахомов опаздывал на работу. Выпавший за ночь снег остановил и без того неспешную жизнь губернского города. До угла Николаевского проспекта и Варваринской улицы, где располагался популярный среди гимназистов и учащихся реального училища магазин «Читальный город», если поторопиться, можно было поспеть минут за десять-пятнадцать. Утром, перед открытием, у дверей уже толпились нетерпеливые покупатели. Опоздание молодому человеку могло стоить рабочего места.

Хозяин книжной галереи, известный в Ставрополе присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев, цены на бумажный товар распорядился установить самые умеренные, чем снискал уважение местной просвещенной общественности.

Работник шел привычным маршрутом по улице Ясеновской и, не дойдя саженей двадцати до бывшей аптеки Минца, от неожиданности вздрогнул: из открытой форточки окна сложенного из тесаного ракушечника дома раздался страшный, похожий на женский, крик: «Помогите! Помогите!»

Ни минуты не раздумывая, юноша рванул на себя ручку парадной двери, к счастью иль беде оказавшейся открытой, и попал на широкую площадку, куда, в свою очередь, выходили две другие двери, одна из которых была приоткрыта. Он робко вошел в комнату, по-видимому, служившую хозяевам кабинетом. В воздухе витал запах дорогих духов, а в тусклом свете настольной керосиновой лампы, спиной к вошедшему, в черном кожаном кресле сидел мужчина, облаченный в лиловый атласный халат. Седая голова незнакомца упала на крышку письменного стола.

– Извиняюсь, я услышал крик и забежал... – бормотал испуганный молодой человек, – вам плохо? – ответа не последовало. В доме стояла гробовая тишина. Сава подкрался ближе и, почти не дыша, аккуратно откинул корпус незнакомца назад, и тут же отпрянул: в уголке рта сверху вниз стекала струйка крови, а в груди торчал нож с диковинной рукоятью, каковой раньше ему встречать не приходилось.

Человек сидел за дубовым столом с покрытой зеленым сукном столешницей, сплошь залитой чернилами, которые вытекли из опрокинутого письменного прибора. Уже немного засохшая темная лужа имела с одной стороны правильную прямоугольную форму. Тут же лежал перевернутый вверх лорнет.

Настольный прибор состоял из упомянутой чернильницы с серебряной крышечкой, массивного пресс-папье с резной ручкой, стакана для карандашей из черного мрамора, отделанного серебром, и переводного календаря в виде Московского Кремля с колесиками вращающихся дат и дней недели. В окошках можно было прочесть: пятница, 29 февраля, год – 1908.

Рядом у стены зашевелилась плотная ширма. Молниеносно бросившись за нее, он увидел распахнутый пустой сейф, на тяжелую дверцу которого неожиданно сел огромный, пестрый, как костюм клоуна, попугай и, завидев приближающегося человека, хлопая крыльями, заорал: «Помогите!» Одновременно, видимо сквозняком, закрыло дверь, и в кабинете как будто послышался легкий поворот ключа. Приказчик, обезумев от страха, кинулся назад, ухватился за массивную медную ручку, начал ее трясти, но дверной замок не поддавался.

Затворенные наглухо ставни сводили на нет попытку открыть окна и позвать на помощь. Боковая дверь в проходную комнату тоже оказалась запертой.

«Попал как кур во щи», – сверлила голову неприятная русская поговорка. От страха сразу вспомнилась мама, ее добрая улыбка и вкусные блины на Масленицу. Савелию захотелось расплакаться, уткнуться лицом в ее пахнувший печеным тестом и ванилью фартук и, как в детстве, найти там спасенье и защиту.

Послышались шаги, возбужденные голоса, поворот ключа в замочной скважине; в дверном проеме показались какие-то люди и городской, вооруженный большим пистолетом. Не опуская ствол, «фараон» грозно приказал:

– Отойти к стене. Сесть на стул и не двигаться.

– Я ни в чем не виноват. Я шел на работу... Прошу известить моего хозяина, адвоката Ардашева, Клина Пантелеевича, – шмыгая носом, лепетал молодой человек.

– До прихода сыскной полиции никому ничего не трогать, – продолжал распоряжаться блюститель порядка, обращаясь к дворнику, истопнику, кухарке и горничной.

Только попугай на строгие указания первого полицейского чина не обращал ни малейшего внимания – перелетал с места на место и горланил заученные слова, вероятно, в порядке их запоминания: «Помогите!», «Поедем к актрискам!», «Всем шампанского!».

По прошествии получаса к злосчастному дому прибыл начальник сыскной полиции, хитрый как лис и верткий как ужака Ефим Андреевич Поляничко со своим заместителем, а также следователь, фотограф из полицейского резерва и врач. Сразу за ними в комнату вошел Ардашев и с молчаливого согласия полиции вполголоса побеседовал с задержанным приказчиком, после чего начал незаметно осматривать помещение.

Дом фасадом выходил на улицу и имел четыре больших комнаты с высокими, в пять аршинов, потолками, пристройку для прислуги, подвал с ледником и деревянный каретный сарай. С кабинетом, через проходную дверь, соседствовала столовая – оттуда можно было пройти в гостиную и затем в спальню. Прямо на улицу выглядывало по одному большому венскому окну каждой из трех смежных комнат. Только кабинетное окно смотрело в безмолвный, уснувший зимний сад из высоких груш и старых тутовых деревьев.

Помещение для прислуги представляло собой небольшую пристройку, поделенную на две части с разным входом. В одной, совсем маленькой, жила горничная – двадцатипятилетняя Вероника Лошкарева, в другой истопник – пятидесятилетний Фрол Евсеевич Матюхов с еще моложавой и бойкой кухаркой Авдотьей. Последние три года они сожительствовали. Саженья в десяти от этого сооружения, за летней беседкой приютилась поленница с отведенным местом для колки дров.

Каждый занялся своим делом. Поляничко и следователь допрашивали приказчика, фотограф делал снимки, доктор извлекал из бездыханного тела нож, заместитель, действуя по циркуляру, собрал у прислуги паспорта и опрашивал горничную, кухарку, истопника и дворника. Только адвокат успевал присутствовать везде одновременно, и, кажется, это ему удавалось.

Горничная в это время рассказывала, что она собиралась с утра протереть пыль на книжных полках кабинета. Подошла, приоткрыла дверь и увидела, как этот молодой человек склонился над хозяином, чья рука безжизненно свисала к полу. Испугавшись, она закрыла дверь на ключ, выбежала на улицу, стала кричать и звать на помощь. К ней почти сразу подбежал истопник Фрол Евсеевич и кухарка. Как Вероника пояснила, Фрол с топором ринулся к двери кабинета, чтобы не дать злоумышленнику уйти.

По словам истопника, накануне вечером он, как обычно, затопил во всех трех смежных комнатах печи и хорошо разогрел в кабинете камин.

– Они, ваше благородие, беспокоились, чтобы утром я золу-то из камина убрал. Должен, говорит, мне человек важный визит нанести, – немного волнуясь, вполголоса, теребя полы старого поношенного сюртука, изъяснялся Фрол. – Не люблю, говорит, когда в камине зола, она потом на книги садится. Я поутру дров наколот и думал в дом идти, слышу – кричит кто-то, потом вот Верка, горничная, значит, вылетает и меня кличет, я с топором так и прибежал, быстрее к двери и давай стеречь его, окаянного, пока городской не явился.

Допрошенная Авдотья рассказала, что рано-рано ушла на Нижний базар, что на Казанской площади, и принесла набитую продуктами корзину. Почти уже приготовила завтрак,

чтобы подать к восьми, как требовал хозяин. А тут переполох. Еще добавила, что владелец дома жил бобылем и все же «до женского полу был особенно охоч».

Ключи от комнат хранились у горничной, но пользовались ими все по надобности.

Спустя час начавшее околевать тело, еще недавно бывшее антрепренером местного театра Яковом Модестовичем Веселухиным, с сопровождением, на больничной карете отбыло в морг.

– А нож, господа, зашел неглубоко, но до сердца достал, что и явилось причиной мгновенной смерти. Узкое и тонкое лезвие – штука опасная. Да-с, тут на нем надпись, по-моему, на итальянском: «Chela mia ferita sia mortale!», и узоры на костяной ручке с изображением головы. Что сие означает? – допытывался доктор.

– Это вот душегуб нам и расскажет. Да? Господин убивец? – ехидно спросил у не попавшего от страха зуб на зуб Савелия полицейский чин. – Забирайте его и в тюремный замок, – поигрывая приготовленной малой ручной цепочкой, обращался главный сыскарь губернии к городовому второго участка. – Понарассказывал он тут мне азовских басен да сказок персидских. Пусть теперь судебный следователь твоей шахерезадой забавляется.

Тем временем Климент Пантелеевич бегло обследовал весь дом, но дольше всего задержался в кабинете. С любопытством рассматривал книги, потом зачем-то достал белоснежный платок и водил им по книжным полкам. После этого адвокат встал на колени, вынул из кармана пиджака складную лупу и с ее помощью что-то внимательно начал изучать в каминной нише; затем аккуратно, карманным пинцетом, извлек оттуда женскую шпильку и части обуглившегося, но еще не испепеленного документа – каждая величиной с серебряный императорский рубль, – после чего разложил эти кусочки на почтовую бумагу.

– Я попрошу, господа, купить немедленно в аптеке бутылочку глицерина, а у стекольщика надобно раздобыть два стекла, размерами с этот лист, – вежливо и одновременно настойчиво обратился к присутствующим присяжный поверенный окружного суда.

Поскольку аптека была совсем рядом, а куски стекла нашлись у дворника, то уже через несколько минут съедаемые любопытством полицейские молча наблюдали занимательную картину: расположенные на бумаге обрывки сгоревшего документа были аккуратно смочены из маленького пузырька раствором глицерина и в определенной последовательности переложены на прозрачную поверхность и накрыты вторым стеклом. Для надежности оба прозрачных прямоугольника адвокат перемотал крест-накрест крепкой бечевой.

Подняв к свету соединенные вместе пластины, Ардашев начал читать, делая паузы в местах, где буквы отсутствовали:

«Дорогая доченька, я ухожу из жизни... не могу больше терпеть унижения... в театре теперь нет для меня работы... он растоптал мою любовь... лишил меня всего... будь он проклят... знай, негодяя зовут... Одесского театра... Яков Веселухин... прости меня... 29 февраля 1896 года».

Итак, господа, смею продолжить: из объяснений истопника нам известно, что камин в этом доме чистят от золы на следующий день. Значит, шпильку, которую я на ваших глазах вытащил из каминной решетки, мог случайно обронить сегодня утром только человек, бросивший туда и залитое чернилами письмо. Оно вспыхнуло, успокоив его, но потом начало медленно тлеть. Но истлевшие куски бумаги под действием глицерина приобретают крепость, благодаря чему мы смогли прочитать их в солнечных лучах. Учítывая, что шпилька – атрибут женского туалета, смею предположить, что именно женщина находилась в кабинете в момент убийства. Во всяком случае, ясно, что прежде письмо было залито из опрокинутой чернильницы настольного прибора – на это указывает правильная с одной стороны прямоугольная форма огромной кляксы на зеленом сукне стола. Касательно орудия убийства: надпись на

клинке гласит: «Да принесет ему смерть нанесенная мной рана!» Это нож корсиканской вендетты. Об этом красноречиво свидетельствует герб Корсики на рукояти костяной ручки – голова мавра на серебряном поле, обрамленная полосой в виде щита. Такие ножи делают и продают для туристов местные жители острова, где кровная месть стала частью традиций. Особенность данного холодного оружия такова, что для убийства им не нужно прилагать большого усилия – длинное и тонкое лезвие легко входит в ткань человеческого тела. К нам их обычно привозят на продажу с дальних стран русские моряки. Кроме того, убийство неслучайно произошло сегодня. В такой же последний зимний день, двенадцать лет назад, покончила с жизнью мать бедной девочки. – Адвокат сделал паузу, полез во внутренний карман дорогого пиджака, вытащил миниатюрную жестяную коробочку монпансье «Георг Ландрин», повертел ее в руках и убрал обратно. Напряжение нарастало, Клим Пантелеевич, не злоупотребляя вниманием слушателей, продолжил:

– Хочу обратить ваше внимание, господа, и на тот факт, что Фрол Евсеевич затопил печи вчера во всех трех комнатах, в том числе и в столовой, однако форточка там осталась открытой, хотя всем известно, что после растопки все фрамуги обязательно закрываются, чтобы зря не выстуживать помещение. Вполне понятно, что преступник открыл или оставил ее открытой, с тем, чтобы криком о помощи заманить легковверного простачка в открытую дверь кабинета, каждый день проходящего мимо окон в одно и то же время. По той же причине «забыли» затворить и ставни этого окна, тогда как ставни кабинета, выходящего во двор, плотно заперли снаружи. Ну, а смертельный удар был нанесен сзади сверху вниз в левую часть груди, в момент, когда жертва склонилась над столом, читая через лорнет письмо. В предсмертной судороге умирающий выбросил лорнет, зацепил им чернильницу, и ее содержимое растеклось по листку бумаги. Теперь, чтобы не испачкаться, залитое письмо оставалось только сжечь. Кстати, пыль в кабинете протерли вчера, поэтому сегодня протирать там было нечего. Я проверил это носовым платком, который после моих опытов остался девственно чист. Опять же и нежный аромат духов, который почувствовал наблюдательный юноша, до сих пор источает благоухание, и не только в комнате... Ну, и последний вопрос: есть ли у вас, господа, предположения относительно личности предполагаемой злоумышленницы, якобы собиравшейся протирать пыль в кабинете покойного, обронившей в камине шпильку, пользующейся тонкими французскими духами, к тому же прибывшей в наш замечательный город из Одессы? – закончил монолог вопросом Клим Пантелеевич.

– А чего тут думать, тут и так все ясно, – листая паспорт горничной, невозмутимо заключил Поляничко и, глядя ей в лицо, с притворным состраданием, «по-свойски» предложил: – Давай, сердешная, покаяйся.

Девушка разрыдалась. Из торопливых и сбивчивых слов стало ясно, какую трагедию пришлось пережить Веронике Лошкаревой после смерти матери. Ее, тринадцатилетнюю гимназистку, насильно отдали в портовый публичный дом и годами калечили душу. Миллионы раз она прочитывала предсмертное письмо матери и клялась найти и отомстить человеку, по чьей вине на ее долю выпали столь тяжкие страдания. После смерти матери он покинул Одессу, и его след затерялся.

В конце прошлого года, как раз на Рождество, один морячок влюбился в нее и подарил купленный в Марселе флакон духов «Jicky» от парфюмерного дома Герлен и памятный нож с острова Корсика. Она клялась, что бросит бордель и обязательно дождет его. Но на следующий день он ушел в плавание и больше не вернулся.

Случайно, в местной газете на глаза ей попала статья о Ставропольском театре, а внизу помещалась фотография антрепренера Якова Веселухина, того самого. Она нашла его в Ставрополе. Устроилась горничной и считала дни до наступления долгожданной даты, когда свершится возмездие. Все точно рассчитала. А то, что пострадает безвинный, ее уже не беспокоило, ведь она мстила не только Веселухину, а всему мужскому сообществу, которое презирала

целиком и полностью – от наглых гимназистов до болезненно потных, вечно пыхтящих пожилых скряг. Что же до распахнутого сейфа, то он был открыт до ее прихода, и, кроме бумаг, там ничего не было.

Вероника плакала. В комнате стало так тихо, что было слышно, как в непотушенной лампе горит керосин.

«Пейзаж с рекой»

– И запомните, Ефим Андреевич, расследование необходимо завершить до конца недели. Я губернатору пообещал, что преступники будут наказаны в самые короткие сроки. И слово свое я сдержу, – отчитывал подчиненного полицмейстер.

– Даст бог, Ипполит Константинович, нападем на след, – поглаживая правой рукой усы, неуверенно проговорил начальник сыскного отделения.

– Что вы заладили как пономарь: «даст бог», «даст бог». Мне от вас нужны конкретные действия, – недовольно поморщился начальник полиции, – вот прочтите, – и протянул свежий номер газеты «Северный Кавказ» за 9 марта 1908 года.

Нервно пожевывая губы, Поляничко углубился в чтение:

«Вчера, в светлый праздник Прощеного воскресения, марта восьмого числа, в Ставрополе произошло ограбление «Азовско-Донского Российского Торгово-Промышленного банка», располагающегося на Николаевском проспекте.

Известно, что злоумышленники проникли в помещение банка через разобранную заднюю стенку каминной ниши в гостиной старшего кассира Воропаева В.П. Надо сказать, что меблированные комнаты, занимаемые старшим кассиром, и помещение самого банка разделяет капитальная стена шириной почти в аршин; посередине ее, с обеих сторон, устроены каминные с общим дымоходом, с единой задней стенкой толщиной всего лишь в полкирпича. Как удалось выяснить репортеру нашей газеты, в момент проникновения в квартиру ее хозяин находился на дневном сеансе в синематографе.

Любопытно будет узнать, что в съемные комнаты господина Воропаева В.П. грабители также попали через расположенные по соседству апартаменты директора банка господина Бельского А.Н., который в этот день находился дома, ожидая возвращения супруги из Москвы. Один из воров представился почтальоном и попросил директора банка отворить дверь, якобы для того, чтобы передать срочную телеграмму от жены. Стоило хозяину открыть квартиру, как к нему ворвались разбойники, связали его по рукам и ногам и под угрозой расправы заставили передать имевшиеся у него ключи от бронированного хранилища, оборудованного специальной герметично закрывающейся дверью, изготовленной в Германии по специальному заказу.

Затем в стене (общей с квартирой Воропаева В.П., в том месте, где имелось заколоченное фанерой и заклеенное обоями слуховое окно) без особого труда был сделан пролом. С обратной стороны стены, то есть в квартире старшего кассира, на этом месте висела известная картина П.А. Брюллова «Пейзаж с рекой», к счастью для владельца, не заинтересовавшая жуликов.

Далее воры, как уже описывалось выше, разобрали общую стенку каминной ниши и оказались в одном из помещений банка.

Используя имеющиеся ключи, шайка бандитов похитила денежные ценности и беспрепятственно скрылась. По прошествии нескольких часов господин Бельский А.Н. сумел избавиться от веревок и незамедлительно явился в полицейский участок на Соборной площади.

Руководство «Азовско-Донского Российского Торгово-Промышленного банка» просит вкладчиков не беспокоиться, поскольку все ценности застрахованы. В настоящий момент подсчитывается ущерб.

Кроме того, финансовый совет официально оповещает, что в случае получения полезных сведений о преступниках банк выплатит вознаграждение в 10 000 рублей золотом.

Полиция от разъяснений отказалась, ссылаясь на тайну следствия. Тем не менее детали этого происшествия уже известны каждому обывателю».

– Надо же, десять тысяч – моя зарплата за четыре года, если по теперешнему, по восьмому разряду считать, – удивленно взмахнул руками уже немолодой начальник сыска.

– Да, вознаграждение и впрямь солидное. Только вы, Поляничко, опять не о том думаете. Возьмите газетку да поезжайте к Ардашеву. Может, заинтересуется адвокат да, глядишь, и протянет дружескую руку помощи. Не мне, Ефим Андреевич, а именно вам. Если, конечно, в отставку хотите уйти как полагается, с шестым разрядом. А то ведь, не ровен час, и я совсем иного рода представление на вас могу его высокопревосходительству отписать. Так что ступайте, – указал рукой на дверь Фен-Раевский.

– Воля ваша – сказала мамаша, – обреченно выдохнул Поляничко и, сгорбившись сильнее обычного, скрылся за дверью.

От полицейского управления до дома, где жил присяжный поверенный, ходьбы было не более пятнадцати минут. Всего-то спуститься по белокаменным ступенькам соборной лестницы, а дальше вниз по асфальтовой дорожке бульвара, мимо «Московской кондитерской» Челядинова, аптеки Ивана Байгера и Михайловского ремесленного училища. Ардашев жил несколько ниже по Николаевскому проспекту в недавно купленном доме стиля модерн.

Поляничко дернул за язычок звонка, внизу послышались шаги, и стеклянная входная дверь отворилась. На пороге стояла девица лет двадцати, аккуратно уложенные волосы, правильные черты лица и открытый доброжелательный взгляд производили приятное впечатление на любого, впервые переступившего порог дома адвоката. Белоснежный фартук выдавал в ней прислугу. Так случилось, что для начальника сыскного отделения это был первый визит в усадьбу Ардашева. Окинув прелестное создание с головы до ног, Ефим Андреевич, казалось, почти прикоснулся к щеке девушки своими жесткими, никакому фиксатуару не поддающимися усами и еле слышно произнес:

– Милая, сообщи Климу Пантелеевичу, что старик Поляничко к нему на чай пришел. Да извинись, что без приглашения, зато, скажи, со своим сахарком пожаловал.

Не привыкшая к такому фамильярному обращению, барышня вспыхнула ярким пламенем фотогоновой лампы, не зная, что ответить и как с этим неучтивым старикашкой себя вести. Но господь выручил. В дверях показался сам обладатель дома.

– Дорогой Ефим Андреевич, какими судьбами! Проходите же скорее! Не думал не гадал, что уважите меня визитом. Что ж ты, Варвара, застыла как вкопанная. Помогите, пожалуйста, гостю раздеться. Пройдемте в кабинет, я вас прекраснейшей наливочкой угощу. Ее великолепно супруга моя, Вероника Альбертовна, готовит. С ней, к сожалению, познакомить вас не имею возможности. Уехала третьего дня на воды, здоровье подправить, – искренне обрадовавшись гостю, весело проговорил адвокат.

Оставаясь верным себе, Поляничко внимательно изучал обстановку комнаты, пытаясь по мелочам сложить мозаику полного представления об обладателе шикарного английского кабинета. Все пространство от пола до потолка занимали книги. Их было много и на разных, в основном неведомых полицейскому чину, языках. Увидев знакомый синий корешок памятного еще с гимназической поры русско-французского словаря, Поляничко обрадовался, тут же снял толстый фолиант с полки и с многозначительным видом спросил:

– Ну-с, наверное, французские романы на сон грядущий почитываем? А мне вот все некогда. Я за последние десять лет ничего, кроме «Вестника полиции», и не открывал.

– Любовные романы Вероника Альбертовна предпочитает. А я вот адепт французской философии позапрошлого века: Дидро, Монтескье, Жан-Жак Руссо – мои первые учителя. Знаете, в свое время я понял, что по-настоящему овладел французским, в тот момент, когда незаметно для себя стал получать удовольствие от чтения великих мыслителей в подлиннике. Да, кстати, мне почему-то до сих пор не доставили первый номер «Вестника полиции», а пора бы. Обещали, что с этого года его украсят цветными иллюстрациями. А вы уже получили январский номер?

Поляничко понял, что сел в лужу. Полицейский журнал он не открывал последние два года, это уж точно. И кто тянул его за язык? Но Ефим Андреевич не был бы лучшим сыщиком губернии, если бы не нашелся.

– Вы не беспокойтесь. Мы уж, ежели вам надобно, так всегда с радостью подарим.

Вступительная часть беседы закончилась дегустацией вишневой наливки под желтый, «прослезившийся» голландский сыр. И Ефим Андреевич перешел к описанию главной цели визита, предварительно ознакомив присяжного поверенного с газетной статьей.

– Конечно, дельце занятное. Да, жаль, я не имел возможности все самостоятельно осмотреть, – сокрушался адвокат, – а без этого трудно будет разобраться в деталях.

– Не беспокойтесь, я приготовил вам фотографические карточки с места преступления, а также протоколы опросов. – Начальник сыскного отделения открыл принесенный с собой желтый несессер, вытащил целую пачку фотографий, небольшую стопку исписанных листов и продолжил рассказ: – Со слов директора банка, грабителей было четверо, то ли черкесы, то ли чеченцы. По-русски говорили плохо. Ворвались, первым делом связали хозяина, потом отнесли его в столовую, забрали ключи от хранилища, кляп в рот засунули, а дальше в точности, как написано у газетчиков. Вот же племя вездесущее! Надо же, все вынюхали! Не иначе как кто-то из моих подопечных наболтал за тридцать сребреников, – начинал сердчать полицейский. – Истопник- даргинец, который камин и печи во всем доме отапливал, нами уже арестован. Но толку мало. Молчит мерзавец. По-нашему еле-еле понимает. Настоящий абрек. Но с ним тоже загвоздочка вышла: в момент ограбления он, как мы выяснили, молился в городской мечети. Да и потерпевший среди нападавших его не опознал. А старший кассир человек женатый, на вид серьезный, но в банке работает не так давно. Приехал сюда пару лет назад из Риги. Алиби имеет полное: когда воры у него дома орудовали, он с женой и дочерью смотрел в «Биоскопе» новую фильму – «Любовь Клеопатры». Вот и билеты нам представил. К тому же многие его в фойе синемаатографа видели. А вот, Клим Пантелеевич, посмотрите снимки: это как раз и есть брешь в деревянной стене из квартиры Бельского в меблированные комнаты Воропаева, вот этой пеньковой веревкой ему ноги как раз и скрутили; а на втором снимке показан шпагат, им головорезы руки директору связали, сразу, как ворвались. Далее снимок картины Брюллова – вид, как полагается, с двух плоскостей. Ну и, наконец, пролом в каминной нише. Последние три карточки – само хранилище в разных ракурсах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.